

предмет, существование которого здесь выражается, в адресату. Но для синтаксической побудительности обращение к адресату как к реальному исполнителю — лишь элемент общего волеизъявительного значения, диапазон которого колеблется от конкретно адресованного побуждения до принятия, согласия, допущения. И поэтому формы побудительности (только с частицей или с частицей в сочетании с *будет*) от так называемых номинативных предложений в русском языке представляют собой нормальное синтаксическое образование; ср. некоторые из очень многих возможных примеров: «Ну-ка, где ты, боль?». Он стал прислушиваться. «Да, вот она. Ну что ж, пускай боль!» (Л. Толстой, Смерть Ивана Ильича); «Порою шум из-за дверей Доносится неясный, И по ошибке этот шум Мы песнею зовем И утешаемся: „Пусть шум! Бывает шум прекрасный“» (Н. Матвеева, Все сказано на свете); «Утомился я достаточно от этой игры со стрельбой. Пускай будет любой конец» (П. Нилин, Жестокость); «Пусть он счастливо живет до глубокой старости. Пусть будет мир и лад в его доме» (К. Гип., 21 III 69).

Что касается вопроса об актуальном членении предложения, то в его общем понимании мы во многом согласны с В. Г. Адмони и с его критикой работ И. П. Распопова. Вряд ли только верно, что «коммуникативное членение... присутствует в каждом предложении» (стр.

290). Жаль, что автор не знаком с интересными работами И. И. Ковтуновой, которая убедительно показала, что существуют целые классы высказываний, лишенных актуального членения.

В заключение следует подчеркнуть, что наше критическое отношение к системе, которую строит В. Г. Адмони, объясняется принципиально иным пониманием того, что такое грамматический метод и как следует применять грамматический метод к грамматическому объекту. Это нисколько не означает, что всякое другое понимание задачи полагается нами ошибочным. Хотелось бы только в любом построении видеть определенность избранного метода, необходимую для грамматики строгость и четкость определений, а также внимание к другим точкам зрения, из которых можно почерпнуть (пусть в чисто негативном смысле) много полезного.

В целом рецензируемый сборник представляет значительное явление в области грамматической науки. В нем нет ни одной работы, которая не отражала бы определенную, продуманную концепцию. Авторы дают ответы на самые сложные вопросы теории, знакомят читателей с новейшими научными системами и взглядами. Этот сборник, несомненно, войдет в фонд наиболее ценных работ, выпущенных в последние годы советскими языковедами.

Н. Ю. Шведова

V. Z. Panfilov. Grammar and logic.— The Hague — Paris, Mouton, 1968, 106 стр.

Хорошо известно, что исследования зарубежников лингвистов систематически переводятся на русский язык. Это дает возможность советским языковедам широко знакомиться с различными направлениями современной лингвистики. Значительно хуже обстоит дело с переводом на другие языки работ отечественных языковедов. Даже фундаментальные лингвистические сочинения, написанные на русском языке, не переведены на английский, французский и немецкий языки. Поэтому нельзя не приветствовать появление монографий советских языковедов на английском языке в переводах издательства Mouton. Среди других работ в малой серии вышла книга В. З. Панфилова (перевод Н. А. Владимирского). Английский перевод довольно точно доносит до читателя содержание и направленность русского текста книги того же автора «Грамматика и логика. Грамматическое и логико-грамматическое членение простого предложения», изданной АН СССР в 1963 г.

Книга состоит, кроме введения и заключения, из пяти исследовательских глав. В них детально рассматриваются следующие проблемы: 1) структура предложения и структура логической фразы, выражаемой предложением (стр. 19—29); 2) логико-грамматический уровень предложения (стр. 30—55); 3) предикативность и сказуемость, модальность и наклонение (стр. 56—82); 4) члены предложения и компоненты логической фразы (стр. 83—90); 5) грамматическая категория залога и категория субъекта (носителя) действия, объекта действия и собственно действия (стр. 91—100). Сравнительно с русским текстом для английского перевода автор сделал ряд дополнений и разъяснений. Наиболее важными из них являются: разграничение объекта и предмета лингвистики в связи с критикой методологического принципа гомогенности¹

¹ Автор считает, что объектом лингвистики (как и ряда других наук — физиологии, психологии и т. д.) является

(стр. 16—18), вопрос о соотношении структуры предложения и структуры логической фразы в связи с работами П. В. Чеснокова (стр. 40—45), дополнительные замечания о разграничении предикативности и сказуемости (*predicativity proper and grammatical predicativity*, стр. 57—63), учение о модальности и ее двух типах (стр. 65—67 и 74—82), критическое замечание в адрес сторонников гипотезы Сепира — Уорфа (стр. 105—106).

Выбор для перевода именно книги В. З. Панфилова надо признать целесообразным и правильным. Эта книга в сжатой форме излагает основные теоретические проблемы логико-грамматического направления, которое широко представлено в отечественном языкознании. Из разных школ логико-грамматического направления автор отдает предпочтение той, которая считает, что предложение как синтаксическая единица связано планом содержания с логическими формами мышления, а планом выражения — с морфологической характеристикой слов. Соотношение логики и грамматики понимается прежде всего как фиксация структуры мысли особыми языковыми средствами в составе выражающего ее предложения.

Еще Ф. И. Буслаев писал, что связь языка и мышления противоречива, что в синтаксисе мы обнаруживаем не только законы логического мышления, но и правила управления и согласования слов, правила использования частей речи. Эти аспекты подчеркивались также в типологической концепции И. И. Мещанинова. Как известно, сторонники психологического и формального направления не только отметили слабые стороны логико-грамматического направления, но придали отрицательный эмоционально-оценочный смысл самому названию «логическая грамматика». Очень хорошо изложив основные недостатки ранних школ логического направления (см. стр. 8—9), В. З. Панфилов справедливо замечает, что истолкование логической концепции как старой логики, непонимание сложного характера взаимоотношения языка и мышления ведет к еще более ошибочным трактовкам проблем логической структуры мышления и грамматики.

Книга В. З. Панфилова является основательной защитой современного логико-грамматического направления в языкознании в его противопоставлении не только психологическому направлению, но и логико-математическому и семиотическим школам внутри самого логического языкознания. В. З. Панфилов

правильно, на мой взгляд, подчеркивает, что между языком и мышлением нет прямолинейной и однозначной зависимости, что содержание, выражаемое в акте речи, не является простой суммой значений единиц языка, что структура нашей мысли обуславливает прежде всего структуру предложения, которое передает и выражает эту мысль.

Центральной идеей в концепции В. З. Панфилова, думается, является учение о двух уровнях структуры предложения — синтаксическом и логико-грамматическом. Это учение возникло в результате логической интерпретации так называемого психологического суждения и актуального членения предложения. Автор исходит из того, что с лингвистической точки зрения важно выделить единую форму мышления, которая выражается одной и той же языковой единицей, т. е. предложением. Единой формой мышления является логическая фраза (или логема), разновидностями которой выступают суждение, вопрос, побуждение. Логическая фраза (или суждение в широком смысле) характеризуется двумя общими признаками — субъектно-предикатной структурой и соотносительностью соответствующих мыслей с действительностью (стр. 19—20)². Что касается однословных безличных и номинативных предложений (типа *Вечерет, Зима*) и одночленных двусоставных фраз (типа *Грачи прилетели* — *The rooks came*), то они выражают какую-то иную форму мысли, чем суждение, которая до сих пор не выявлена и не определена логикой (стр. 49).

Субъект и предикат суждения находят языковые средства своего выражения, причем логический субъект нередко выделяется негативно — лишь тем, что специальными средствами языка выражается логический предикат. Предикатное оформление члена предложения может осуществляться специальными морфемами и служебными словами (например, в нивхском языке предикативным суффиксом *-та ~ -ра ~ -да*) или интонацией (логическим ударением) и — дополнительно — порядком слов, которые также являются формальными средствами языка.

Поскольку предложение является единством своего состава, интонацией и порядком слов, постольку возможно двойное членение предложения, выявление двух уровней предложения. На синтаксическом уровне мы имеем дело с членами предложения. Например, в предложении *Он приехал поездом* выделяется подлежащее, сказуемое и обстоятельство образа действия. На другом уровне, который автор

речевая деятельность в целом. Предмет же лингвистики включает только такие компоненты речевой деятельности, при помощи которых мы осуществляем акты общения и мышления, на которые являются частными для речевой деятельности в целом.

² См.: П. В. Ч е с н о к о в. Природа суждения и формы выражения его в языке, в кн.: «Мышление и язык», М., 1957, стр. 300—322; П. В. Ч е с н о к о в. Логическая фраза и предложение, Ростов-на-Дону, 1961, стр. 11—28.

называет логико-грамматическим, при сохранении синтаксического членения, выделяется еще логико-грамматический субъект и логико-грамматический предикат. Например, в двучленной фразе *Он приехал — поездом* логико-грамматический предикат *поездом* связан с логическим субъектом *он приехал* (стр. 52—54). Естественно, что противопоставленность синтаксического и логико-грамматического членений предложений больше в синтетических языках, где члены предложения морфологизованы. В изолирующих языках из-за отсутствия четко выраженной морфологизации членов предложения между логико-грамматическим и синтаксическим членением имеет место большее соответствие.

Думаю, что В. З. Панфилов прав, когда он утверждает, что актуальное членение предложения обусловлено субъектно-предикатным членением логемы. Действительно, при формально-логическом членении предложения, при выявлении психологического субъекта и психологического предиката, при актуальном членении предложения на «данное» и «новое» мы имеем одну и ту же форму мысли. Между логическим субъектом и предикатом, с одной стороны, и членами актуального членения, с другой стороны, никакого принципиального различия нет (стр. 40). Автор прав и тогда, когда подчеркивает, что на логико-грамматическом уровне используются особые грамматические средства (стр. 52).

Однако термин «особые грамматические средства» (specific grammatical means) не определен с достаточной четкостью. Как уже отмечено ранее, кроме морфем и служебных слов, модальных глаголов, среди особых грамматических средств указываются итовация и порядок слов. Термин «синтаксический уровень» употребляется для обозначения членов предложения, имеющих морфологические признаки, а слово «грамматика» нередко наполняется содержанием: «синтаксис, изучающий неморфологизованные члены предложения». Если это так (а это, видимо, так), то с точки зрения содержания синтаксический и логико-грамматический уровень на самом деле оказывается одним логико-синтаксическим (логико-грамматическим) уровнем предложения, противостоящим формальному уровню конструкций. С точки зрения средств выражения, «синтаксический уровень» является скорее всего морфолого-синтаксическим подуровнем того же логико-синтаксического уровня, поскольку логико-синтаксическая структура здесь выражается формами слов (морфемами).

Что же касается «логико-грамматического уровня», то он выступает как лексико-синтаксический подуровень того же логико-синтаксического уровня, поскольку логическое ударение и порядок слов распространяется не на морфемы и пу-

стые формы слов, а на сами слова, т. е. на лексемное наполнение позиций синтаксических моделей. В связи с этим надо подчеркнуть справедливость замечания автора о том, что при логико-синтаксическом членении предложений выделяются не только слова, но и словосочетания и синтаксические группы, которые, хотя и членятся на уровне словосочетания, на уровне предложения не членятся, выступая как единые логико-синтаксические компоненты суждения. «Языковая, или, точнее говоря, словесная расчлененность выражения логического субъекта и предиката», — пишет В. З. Панфилов на стр. 13, — характеризуют внутреннюю структуру понятия, способ образования его и обозначения его в предшествующих актах мышления, т. е. своего рода понятийную этимологию»³.

Предложенное терминологическое замечание ни в коей мере не умаляет правильности самой идеи о логической основе двоякого членения предложения. Более того, именно такой подход к членению предложения и организующей роли глагола дал возможность автору высказать ряд интересных соображений о предложении в целом и его морфологическом ядре. Так как суждение в широком смысле слова (логическая фраза) обладает двумя общими признаками, которые указаны ранее, то изучение соотносительности логико-грамматической предикативности и модальности с синтаксической предикативностью и модальностью является дальнейшим развитием основной идеи книги. Именно здесь становится убедительнее интерпретация синтаксического уровня как морфолого-синтаксического.

Наличие двух уровней членения предложения требует различения двух видов предикативности — собственно предикативности как явления логико-грамматического уровня, и сказуемости (термин А. М. Пешковского, по-английски он передан: grammatical predicativity) как явления синтаксического уровня. Хотя предикативность и сказуемость соотносятся друг с другом и в частных случаях могут перекрещиваться, предикативность и сказуемость принципиально отличаются друг от друга. Предикативность как обязательное свойство любого предложения характеризует отнесенность его содержания как относительно законченного акта мысли к действительности; предикативность не привязана ни к какому отдельному члену предложения. Сказуе-

³ См. также: Г. Пауль, Принципы истории языка, М., 1960, стр. 165—167; Л. В. Матвеева - Исаева, Словосочетания и их семантическое значение в составе предложения, «Уч. зап. [ЛГПИ им. А. И. Герцена]», 59, 1948; А. В. Бельский и И. Грамматическое определение как средство реализации мысли, «Уч. зап. [1-го МГПИИЯ]», 5, 1953.

мость является свойством сказуемого как члена предложения и есть лишь в тех предложениях, где имеется этот член предложения. Члены предложения и компоненты логической фразы (суждения) не совпадают. Субъект суждения есть понятие о предмете суждения, а предикат суждения — это признаки (в широком смысле), которые определяются как присущие или не присущие предмету мысли. Подлежащее и сказуемые — это главные, организующие члены предложения, и они выделяются только там, где находят свое морфологическое оформление.

Поэтому не только в односоставных, но и в некоторых двусоставных предложениях подлежащее и сказуемое могут не выделяться. Это наблюдается, например, в таких предложениях тождества, как *Грушницкий — юнкер и Юнкер — Грушницкий*, *Младшая дочь была самая красивая и Самая красивая была младшая дочь*, *Мечта моего сына — стать художником и Стать художником — его заветная мечта*. В этих предложениях грамматическая оппозиция между подлежащим и сказуемым как главными членами отсутствует, она нейтрализована, хотя в других предложениях она находит четкое морфологическое выражение (стр. 57—58 и 86—87). Такие предложения, по мнению В. З. Панфилова, не могут последовательно и непротиворечиво анализироваться на синтаксическом уровне по главным членам предложения, допуская лишь актуальное членение предложения на субъект и предикат суждения.

Это верно, если понимать синтаксис как актуализованную морфологию, а части речи — как морфологические категории. Если же признать, что части речи являются лексико-грамматическими разрядами слова, а синтаксический строй языка располагает системой (типологией) моделей предложений, то омонимичные конструкции, о которых здесь идет речь, должны рассматриваться как варианты основных моделей и анализироваться по аналогии, так как они обнаруживают только нулевые грамматические признаки. Например, в предложении *Воспитание — важная вещь, очень важная вещь* (Тургенев) подлежащим является первый член предложения, хотя он характеризуется негативно — через признаки сказуемого *важная вещь* (*очень важная вещь*). Признаками сказуемого являются: 1) второе место в модели предложения, 2) абстрактность существительного *вещь*, которое, занимая место сказуемого, требует определения, наполняющего позицию сказуемого нужной семантикой. В предложении *Я не вор какой* (Лермонтов) подлежащим выступает местоимение *Я* (именительный падеж личного местоимения обычно является подлежащим); признаки сказуемого не вор следующие: 1) второе место в предложе-

нии, 2) наличие при сказуемом отрицания. Естественно, что в приведенных примерах синтаксическое и актуальное членения могут совпадать и могут не совпадать. Не совпадают они тогда, когда логическое ударение падает на первое слово, выделяя его как предикат суждения, хотя оно по грамматическим признакам является подлежащим. На уровне актуального членения возможна также перестановка слов, которая нарушает обычную для синтаксического уровня модель предложения.

Признание отрицательных грамматических признаков модели предложения так же необходимо, как признание утверждения о том, что у русского существительного *зуб* имеется шесть падежных форм (при этом всем хорошо известно, что формы именительного и винительного падежей омонимичны).

Кроме предикативности, предложению присуща модальность. Понимание модальности, ее отношения к предикативности и логической модальности, виды модальных значений и средства их выражения — все это находит различное освещение в специальной литературе и вызывает многие дискуссии. В книге рассматриваются различные аспекты проблемы, в том числе в связи с двояким членением предложения. Автор подчеркивает, что модальные значения на синтаксическом и логическо-грамматическом уровнях могут быть гомогенными и гетерогенными. Если модальные значения, выражаемые на синтаксическом и логико-грамматическом уровне, являются гетерогенными, то оба эти значения выступают как элементы модальной характеристики предложения. Если же модальные значения, выражаемые на этих уровнях, являются гомогенными, то модальное значение глагола-сказуемого содержится в предложении как бы в снятом виде и актуальным для модальной характеристики предложения является лишь значение, выражаемое на логико-грамматическом уровне. Например, в предложении *Zu Hause. würde ich mich gewiss besser fühlen* наклонение глагола выражает модальное значение нереализованной возможности, тогда как модальное слово *gewiss* выражает модальное значение категорической достоверности (стр. 78).

Поскольку различные виды субъективной модальности указывают на характер соотношения мысли с действительностью, они представляют собой различные виды предикативности, дифференцируя ее и образуя формальный парадигматический ряд: *Он пришел*; *Он, может быть, пришел*; *Он, конечно, пришел*. Первое предложение выражает модальное значение простой достоверности, второе — модальное значение проблематической достоверности, а третье — модальное значение категорической достоверности (стр. 75).